

Слово о Станиславском

Далекий май, 1938 года... Мы, двое молодых режиссеров, идем по бывшему Леонтьевскому переулку — теперь это улица Станиславского в Москве. Яркое светит весеннее солнце, хотя дело идет уже к вечеру. Воздух теплый, ласковый. Мы молча подходим к дому, где живет Станиславский. Накануне у входа в МХАТ мы буквально умоляли Марию Петровну Лилину, жену Станиславского и ведущего педагога театральной студии, устроить нам встречу с великим режиссером...

— Хотя бы одним глазком взглянуть. Хотя бы в щелочку...

Вероятно, наш юношеский пыл или жалкий вид переминающихся с ноги на ногу молодых провинциальных режиссеров тронул сердце актрисы:

— Ну, что ж... попробуйте «прорваться»...

Так мы узнали, что на квартире у Константина Сергеевича состоится репетиция «Вишневого сада», спектакля, который готовила Мария Петровна Лилина со студийцами...

И вот этот вечер. Наша задача «приспособиться» к студийцам и проскользнуть в «святой святых» русско-го театра — в квартиру Константина Сергеевича, которая стала творческой лабораторией сценического мастерства.

Мы знали, что Станиславский тяжело болен, около пяти месяцев лежал в постели и сейчас почти ничего не принимает. Единственным и постоянным его посетителем в то время был Михаил Николаевич Кедров — ныне народный артист СССР, один из руководителей МХАТа.

...Вот к подъезду дома подошла небольшая группа молодежи. Шли молча, разговаривали полупрошепотом сосредоточенные студийцы — его ученики.

Ко второй группе нам удалось «приспособиться». Сославшись на разрешение Марии Петровны Лилиной, мы вошли в вестибюль. Затем каким-то коридорчиком идем к нему. Сердце выстукивает какую-то лихорадочную тарбарщину. Мы прошли одну комнату и поднялись на второй этаж. Мебель в белых чехлах, дверь на балкон распахнута, и оттуда чудесный вид в сад — белые цветущие яблони словно тянутся к балкону, обстановка какой-то праздничной торжественности, сосредоточенного внимания.

Доступ сюда ограничен даже для своих, мы встали в уголке, стараясь быть незамеченными и не обращать на себя внимания, и вдруг слышим шепот:

— Идет... Идет... И вот он, Константин Сергеевич!

Идет с какой-то опаской, видимо, после болезни трудно ходить. Высокий, чуть сгорбленный, коротко постриженные, совершенно белые, седые волосы, глаза с искринкой за неизменным круглым пенсне. Одет просто, в коричневый просторный костюм, в тон костюма коричневый галстук, завязанный бантиком...

— Здравствуйте...

Все стоя приветствуют Станиславского. Он почти со всеми здоровается за руку, приветлив, улыбка теплая, лучистая.

— Ну-с...

Мария Петровна что-то говорит ему вполголоса, а он только кивает своей красивой седой головой.

Приглашает всех сесть... мы рассаживаемся тихонько, где и как придется.

— Какое сегодня число?

Отвечает кто-то из студийцев.

— Номер телефона студии?

Ему отвечают несколько голосов.

— Хорошо. А мой номер телефона? Молчание.

— Ну-с?

Станиславский шурится. В глазах веселая хитринка. После некоторой паузы раздаётся робкий смех. Дело в том, что телефон Константина Сергеевича был строго засекречен. Он доволен наступившей непринужден-

ностью беседы и просит начать репетицию.

На импровизированную сцену выходят двое студийцев — девушка и парень — они смущены.

— Почему у Вас плохое настроение?

Девушка робеет.

— Ну? С чего начинается Ваша роль? С чего начинается искусство?

Девушка смущена окончательно.

— Вот мы зрители. Вы актриса.

Это искусство?

Девушка робко поднимает глаза:

— Нет.

— А что искусство?

— Искусство это воображение...

Станиславский недоволен ответом.

Он бросает взгляд в сторону Марии Петровны — режиссера спектакля. Девушка перехватывает взгляд и говорит громко:

— Искусство начинается с «если бы»... Вот если бы я была не я, а Дуняша из «Вишневого сада», то я бы...

— Ну-с... и что бы Вы делали «если бы это было»?

— Действовала!

— Верно! Действовать в предлагаемых обстоятельствах! Действовать. Это главное... но ведь действие должно быть целесообразным. Где? Зачем? Почему я так действую? А? Что Вы сейчас хотите?

— Увидеть Яшу...

— Верно! Ну-с, действуйте!

Репетиция началась.

— Самая высшая радость актера — это публичное одиночество. Все на Вас смотрят, а Вы одна. Делаете то, что хотите, и Вам никто не мешает выполнять ту или иную задачу! Задача! Вот главный элемент работы артиста!

Репетиция идет в быстром ритме. Константин Сергеевич прерывает студийцев короткими репликами:

— О чем вы сейчас думаете?... Это чисто внешне!... Нужно подойти к главному! Не нажимайте.

И вдруг грозно:

— А это уже штамп!...

Мы смотрим во все глаза. Это театр, это рождение нового театра, театра большой правды... Всю жизнь боролся за нее этот высокий, худощавый красавец-человек с лучистыми умными глазами. Всю жизнь он искал правду в искусстве. Весь его творческий путь, который он описал в своей дивной книге «Моя жизнь в искусстве», — это стремление к реализму, к созданию искусства, близкого и понятного народу.

Глядя на этого неутомимого, седовласого художника, мы думали о том, что, впервые выступив на сцене четырнадцатилетним мальчиком, он от-

дал ей шестьдесят лет своей жизни... Великий артист и режиссер, он открыл народу таких драматургов, как Толстой, Горький, Чехов... Он поставил на сцене Московского Художественного театра более пятидесяти спектаклей... он сыграл множество разнообразных ролей, среди которых Фердинанд в пьесе Шиллера «Коварство и любовь», Дон Гуан в пушкинском «Каменном госте», ярко комедийные роли в пьесах Мольера и трагическую фигуру Аняни Яковлева в «Горькой судьбине» Писемского. В его репертуарном «багаже» страстный Уриэль Акоста и Отелло в трагедии Шекспира, Сатин из пьесы Горького «На дне» и Тригорин в чеховской «Чайке».

И каждая роль — это новый человек, своих мыслей, своего характера. Вместе со своим другом и единомышленником режиссером В. И. Немировичем-Данченко он создал театр, который стал подлинно народным театром большой художественной и социальной правды.

С октября 1928 года, после первого приступа своей мучительной болезни, Станиславский целиком посвящает себя режиссуре, воспитанию актера... Его «система» — это наука побеждать на сцене, побеждать правдой жизни...

...Мы шли по вечерней Москве, распрощавшись с этим изумительным не-

утомимым тружеником... В ушах звенел его чуть глуховатый голос...

«Все жанры искусства хороши тогда, когда в них работают люди-творческие, настоящие художники, а не ремесленники... Ремесленники отвратительны...»

Когда ему исполнилось семьдесят лет, А. М. Горький писал:

«Вы — признанный великий реформатор театрального искусства. Вы чуткий и великий мастер в деле открытия талантов, какой искуснейший ювелир в деле воспитания и обработки их! Работой этой Вы, прекрасный и тонкий артист, доказали еще раз, как богата и неисчислима творческая энергия нашей страны... Вы, дорогой Константин Сергеевич, удивительно много сделали и еще немало сделаете в своей области для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы. Почтительно кланяюсь Вам, красавец-человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов...»

Красавец-человек! Лучше не скажешь.

Ю. ЮРОВСКИЙ,
главный режиссер
драмтеатра им. С. М. Кирова.

«ВОЛГА»

15 января 1963 г.

3 стр.

Волга
г. Астрахань